

Текст · 22 апреля 2022, 06:04

Никита Сологуб,

«Надо прилюдно кого-нибудь посадить, тогда поймете, нахуй. Начнем с тебя!». Как командиры давят на отказавшихся воевать в Украине

Сколько российских военнослужащих отказываются воевать в Украине — доподлинно неизвестно.

Массовые случаи иногда попадают в СМИ — например, известно о 60 [военных из Пскова](#), почти 500 [служащих](#) Росгвардии из региона на юге России или о возвращении домой [300 контрактников](#) с военной базы в самопровозглашенной Южной Осетии, где служат как россияне, так и местные жители.

Адвокат и бывший военный прокурор Максим Гребенюк, [основавший](#) проект «Военный омбудсмен», говорит, что с 24 февраля по начало апреля он получил около 40 обращений с просьбой рассказать о последствиях таких отказов. А за последние недели таких обращений стало больше «в разы». Но отказ военнослужащего не всегда значит, что к нему прислушается начальство.

«Я считаю, что военный это тот, кто должен охранять свою страну — именно страну, а не правительство, — говорит инженер одной из сибирских частей Василий Никитенко^[1]. — С Украиной это какая-то бесполезная трата личного состава, денег, куча покалеченных жизней. У меня уже многие друзья пропали с радаров, как раз с начала февраля, как только начались эти

учения на границе. Я очень надеюсь, что они мне скоро напишут, потому что страшно за них».

Никитенко уверен, что «ветеран спецоперации» — это «позорное клеймо» и «верх унижения», а сама война с Украиной — «унижение для всей России». Но, возможно, он все равно скоро окажется на этой войне.

Молодой человек рассказывает, что пошел служить по контракту, когда не смог досрочно уйти с военной кафедры одного из университетов — шутит, что трехгодичным договором с Минобороны он решил «проучить самого себя».

В первую же неделю войны командир опросил Василия и других военнослужащих из его части о желании принять участие в специальной операции. Получив от многих отрицательный ответ, попросил от этих солдат написать рапорта о причине отказа. В дальнейшем такие рапорта отказникам приходилось писать каждую неделю.

«После первого отказа начались какие-то выяснения отношений со мной, унижения, — вспоминает Никитенко. — Ну, это в армии в порядке вещей, я стараюсь как бы это близко к сердцу не воспринимать. Потом еще одна неделя, еще один отказ я написал. И в третий раз я написал, что полностью не готов по причине своего состояния здоровья — у меня уже значительные проблемы появились. Ну и все, после последнего рапорта меня вызвали на беседу, сказали, что все, тебя будут увольнять за невыполнение условий контракта».

На некоторое время «все затихло», однако около недели назад в часть пришла телеграмма от вышестоящего штаба — о том, что Никитенко, несмотря на отказ, все равно должен отправиться в один из приграничных регионов.

«По словам людей более опытных, я еду в распоряжение своего прямого начальника, и перехода границы не будет. Но, зная, как все это устроено в структуре вооруженных сил, я уверен, что он будет. Естественно, там я тоже пойду в отказ, а там уже и до уголовного дела за дезертирство недалеко», — мрачно прогнозирует Никитенко, которого сейчас везут на поезде в сторону границы с Украиной.

Угрозы. «Вывезти туда его, а дальше — хочешь в плен, хочешь в бой, хочешь пиздуй домой»

«Унижения и оскорбления», о которых говорит Никитенко — естественная реакция для командира, столкнувшегося с отказом выполнять распоряжение об участии в войне в Украине, объясняет адвокат Гребенюк. В отсутствие военного положения практически невозможно доказать состав статьи 332 УК (неисполнение приказа), которая предполагает наличие «существенного ущерба» для возбуждения дела.

«Проблема в том, что приказов об участии в боевых действиях на заграничной территории не существует, ведь у нас не введено военное положение, — объяснял Гребенюк «Медиазоне». — Военнослужащих просто ставят перед фактом — едем туда, открываем огонь там. Их мнение, готовы они или не готовы, спрашивают только на стадии укомплектовывания. Тем, кто говорит, что готовы,

дают приказ. А тот, кто не готов — он приказ этот не получает вообще».

По словам Гребенюка, общающегося с бывшими коллегами по военной прокуратуре, с 24 февраля до сих пор не было возбуждено ни одного дела по этой статье. «Это очень разлагает и демотивирует армию, потому что если дела не возбуждать, то все просто расползется», — замечает он.

В отсутствие возможности наказать подчиненного в рамках Уголовного кодекса, командиры пытаются давить на отказников с помощью угроз и унижений.

«Товарищ полковник, загрузите его завтра в БТР и вывезите, понятно? Завтра загрузить и вывезти, и мне доложить! Можете связать нахуй, можете так его, блядь, как кулек туда, нахуй, запихнуть! Вывезти, блядь, туда его!» — так отреагировал один из командиров на отказ военного Валерия Редькина^[2] снова отправляться на войну в Украине вскоре после возвращения оттуда.

Командир оборачивается к другому офицеру: «Вывезти туда его, а дальше — куда хочешь! Хочешь в плен, блядь, хочешь в бой нахуй, хочешь — пиздуй обратно домой нахуй. Задача ясна? Выполнить!».

Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

На записи этого разговора^[3] командир называет Редькина, которого еще недавно хвалил за смелость, «подлецом», «трусливым существом», «козлиной», «сволочью» и «тварью». «Че ты, нахуй, губки свои кривишь?» — спрашивает он после долгого потока оскорблений.

Обзывая солдата, командир обещает сообщить отцу военного, что его сын — трус.

Иногда такие угрозы приводятся в исполнение. Житель одного из регионов на юге России рассказал «Медиазоне», что обнаружил в своем почтовом ящике письмо из расположенной на Северном Кавказе военной части. Такие же письма лежали во всех остальных ящиках в подъезде — отправитель просто менял номера квартир на конвертах.

Письмо было адресовано его соседу — отцу военнослужащего. Текст гласил^[4]: «Мы, командиры и офицеры воспитательных структур, командование

воинской части вынуждены сообщить Вам следующее: когда другие военнослужащие нашего полка с оружием в руках выполняют свой воинский долг, Ваш сын не оправдал высокое звание "Защитника Отечества", самоустранился от исполнения служебных обязанностей, отказался (испугался) ехать на очередные учения, тем самым халатно выполнял свои служебно-должностные обязанности, встал на путь преступления, подавал дурной пример сослуживцам. Нам стыдно за Вашего сына, что опозорил Вас и честь военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации и защитника своей Родины».

«Нам очень жаль, что Вы не сумели воспитать в своем сыне такие качества, как честность, стойкость, порядочность и любовь к своему Отечеству, — продолжается письмо. — В связи с этим [ваш сын] уволен из рядов Вооруженных сил Российской Федерации».

Если унижения не срабатывают, командир может перейти к угрозам уголовного преследования. «Вы не можете не ехать. Не поедете туда — поедете, блядь, на 15 лет зону топтать и все. Вместе со своими юристами будете бороться, блядь, с председателем военного суда», — говорит на другой записи командир еще одного военнослужащего Валерия Соловьева^[5].

Соловьев не захотел воевать, сославшись на семейные обстоятельства, а когда начальник стал угрожать, сказал, что проконсультировался с юристами и выяснил — уголовное дело ему не грозит.

Командиру это крайне не понравилось: «Да я на хую вертел ваших юристов. Веришь, ты? Веришь, нет? Мне ваши юристы по-хуй. У меня есть, блядь, постановление правительства, подписанное президентом, блядь. <...> Ваши юристы мне вообще побоку. С юристами он посоветовался... Ваших юристов сюда давайте. И мы с ними здесь общаемся».

Увольнения. «Мы прямо написали: "отказываюсь от участия в спецоперации на Украине"»

Вслед за отказом контрактника участвовать в «специальной операции» действительно может последовать увольнение. Но часто этого хочет и сам военнослужащий. Например, когда отказался воевать Максим Калугин^[6], до окончания контракта оставалось всего несколько месяцев, а продлевать его он и так не хотел.

В роте Калугина командир еще до начала войны в группе в ватсапе провел опрос о желании поехать в Украину. В то время рота стояла в лагере на учениях в одном из приграничных регионов. Устно отказавшись, Калугин поехал на плановую операцию в госпиталь. Пока он лечился, командир уже отправил в Украину одну роту добровольцев. А после выписки Калугина пришел приказ, что нужно отправлять и вторую.

«Приказ я не видел, но там было написано, что мы отправляемся проходить боевую подготовку со сводной ротой с дальнейшим убытием для участия в спецоперации. Слова "Украина" там может и не было, но, когда нам начальники сказали писать объяснительные за отказ, мы там уже прямо написали

— "отказываюсь от участия в спецоперации на Украине по таким-то причинам". То есть отправляют тебя вроде как на боевую подготовку, а отказываешься ты уже от Украины», — объясняет военный служащий.

После этого его и других отказавшихся воевать — больше десяти человек — отправили на аттестационную комиссию для решения о досрочном увольнении. После того, как Калугин повторил свое решение об отказе, ему выдали протокол заседания — там указано, что военный служащий совершил «грубый дисциплинарный проступок», поэтому его необходимо досрочно уволить с военной службы по контракту за несоблюдение его условий. Калугину это увольнение только на руку, но среди отказавшихся из его роты есть и военные, служившие десятки лет, и даже те, кто был не против воевать, но не смог сейчас отправиться в Украину по состоянию здоровья.

Случаи отказа от отправки в Украину были и среди летчиков. По словам собеседника «Медиазоны», знакомого с процедурой увольнения одного из них, услышав на диктофонной записи формулировку поставленной командиром задачи, этот летчик сказал, что выполнять ее не станет. Когда его отправили на разговор к командиру, летчик сказал тому, что не считает Украину врагом, а войну назвал несправедливой.

Командир в ответ не стал ругаться матом, а начал уговаривать. Аргументы были сравнимы с тем, как войну оправдывают пропагандисты на российском телевидении: «фразы про Донбасс», «нацистов» и «ты

же не думаешь, что в других странах по-другому?», перечисляет собеседник «Медиазоны». После этого у летчика состоялся разговор с замполита роты, который тоже «как будто только что телевизор посмотрел».

Началось разбирательство, в ходе которого летчику пришлось написать рапорт с подробным описанием своих мотивов — в ответ на выписанный на него лично приказ убыть в служебную командировку в приграничный с Украиной регион. Хотя первый день прошел так, как будто летчика вот-вот уволят, дальше все затихло. Через несколько недель его вызвали на аттестационную комиссию, участники которой единогласно проголосовали за увольнение. Несмотря на это, летчик все еще продолжает служить — решение комиссии носит рекомендательный характер.

Когда дело доходит до увольнения, в некоторых частях не могут удержаться от мелкой пакости напоследок — например, могут испортить документы, как это было с военнослужащим, которому в военный билет поставили штамп «Склонен к предательству, лжи и обману. Отказался от участия в специальной военной операции на территории ЛНР, ДНР и Украины».

Уговоры. «Вы не понимаете вообще, че происходит? Война, блядь, идет со всем миром»

Знакомый летчика уверен, что материалы были переданы в военную прокуратуру для возбуждения дела о невыполнении приказа — но уголовного дела так и не появилось. Выполнять задачу полетел другой член экипажа, а значит, «существенного ущерба» не

могло быть нанесено — хоть и без него, но задача была выполнена.

Хотя практика подсказывает, что без введения в стране военного положения за отказом ехать в Украину уголовное дело не последует, это не мешает командирам применять подобные угрозы. Так, командир военнослужащего Соловьева орал: «Вы же подписали контракт, нахуй! Нарушите контракт, нахуй — будете за это отвечать! <...> Можете писать президенту, министру обороны, блядь, куда хотите, мне похуй! Вы поедете выполнять боевую задачу».

«Надо прилюдно кого-нибудь посадить, тогда поймете, нахуй. Начнем с тебя!» — угрожал он Соловьеву.

Когда угрозы не сработали, командир попытался обратиться к здравому, по его мнению, смыслу: «А ты не думаешь, демократ хуев, с какого ты города? [Что на твой город] придет, нахуй, блядь, противник, в виде, блядь, украинцев, нахуй. И начнет долбить, нахуй, ваш город. <...> Когда они придут, дружок, уже будет поздно, нахуй. Когда они придут! Хуйню несете какую-то, чушь, блядь. Вы, блядь, не понимаете вообще, че происходит, что ли? Блядь, война, блядь, идет со всем миром, блядь, а вы мне хуету какую-то несете, блядь. Мы не воюем, блядь, с Украиной, мы воюем, блядь, с Евросоюзом и с блоком НАТО, если вы этого не заметили, нахуй!».

Уголовное дело на Соловьева так и не завели, и даже не отправили на гауптвахту — он все еще ждет увольнения.

«Я знаю, как устроены воинские коллективы — чтобы люди шли в бой, нужен жесткий институт принуждения, — говорит бывший военный прокурор Гребенюк. — Нужны приговоры: для поднятия дисциплины и мотивации приговоры по военным статьям даже нередко распечатывают и вешают в части. А сейчас командиры ничего поделать не могут — ну увольняйте, я никуда не поеду, потому что они, военные, знают, что дела ни одного уголовного еще не возбудили. Командиры понимают, что им осталось только увольнять, и ставить такие штампы, чтобы испортить послужной список или военный билет. И пугать, но уже никто не боится. А если людей увольнять пачками, то и служить некому будет».

Собеседник «Медиазоны» в одной из частей, откуда отправляли в Украину (сам он от участия в боевых действиях отказался), так говорит о настроениях среди вернувшихся с войны сослуживцев: «У всех есть погибшие знакомые, раненые, пропавшие без вести, у всех наших. Поэтому они видят украинцев как врагов, которые наших убивают, а не как людей, на которых мы сами напали».

Редактор: Егор Сковорода

-
1. Имя изменено.
 2. Имя изменено.
 3. Запись разговора командира и Редькина есть в распоряжении «Медиазоны».
 4. Копии писем есть в распоряжении «Медиазоны». В адресованных соседям письмах нет обращения к родителям военного, в остальном текст совпадает.

5. Имя изменено. Запись разговора есть в распоряжении «Медиазоны».

6. Имя изменено.